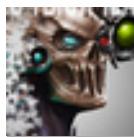

Лишённый чести / Disgraced (рассказ)

Перевод коллектива "[Дети 41-го тысячелетия](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Дети 41-го тысячелетия". Их группа ВК находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Лишённый чести / Disgraced
(рассказ)

Автор	Крис Форрестер / Chris Forrester
Переводчик	Сол
Редактор	Григорий Аквинский, Татьяна Сулова, Нафисет Тхаркахова
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Наследники / The Successors
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат

Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	
Сюжетные связи	
Следующая книга	Гнев Потерянных / Wrath of the Lost

В болезненно-жёлтых глазах гибрида ясно читался голод.

Харокс встретил его пристальный взгляд, погружая цепной клинок глубже в грудь ксеноса. Космодесантник чувствовал его голод, подобный жгучему поцелую открытого пламени; ненасытность, которая показалась Расчленителю неприятно знакомой. Он выдернул меч из живота чудовища и вторым ударом отсёк ему голову. Гнев отца внутри Харокса бился о путы, связывающие его душу, словно зверь, требующий освобождения.

— Сангвиний, защити меня от слабости плоти, — прошептал он, разрубая пополам второго гибрида. Молитва укрепила его решимость держать внутреннего зверя в узде. Изъян не поглотит его сегодня. — И тьмы души.

— Харокс, — рычание Кадма вырвало его из несущегося потока мыслей. — Тварь так и не объявилась.

Харокс осмотрел поле боя в поисках цели. Гибриды и чистокровные кишели на открытой местности, когда-то служившей транспортным узлом для гражданских перевозчиков, пересекавших мост Гален. Его каркас из пластековых ночлежек и таверн, сколоченных из листового металла, ныне представлял собой всего лишь цепочку мусорных холмиков. Здание Администратума превратилось в объятые пламенем руины, а улицы были завалены трупами людей, ксеносов и космодесантников. Тела Расчленителей лежали сгустками багрового и пепельного среди хаки Милитарум и аметиста и лазури ксенокульта.

Оборону держал лишь барбакан и обслуживающие его объекты Арбитрес.

Болт-пистолет сильно дёрнулся, Харокс переключил его на стрельбу в режиме автоматического поиска целей. Масс-реактивные снаряды уничтожали удлинённые черепа и жилистые торсы ксеносов. Аберрант исчез в одном из алых облаков, разорванный болтерным огнём. Харокс кивнул в знак благодарности Гатасу, вонзая клинок в трёхрукого культиста с длинными изогнутыми когтями. Он вновь попытался обнаружить свою цель. Его братья, поддерживаемые огнём оставшегося гарнизона барбакана, продолжали вырезать кровавые полосы в войске ксеносов.

Нексоса нигде не было видно.

— Сержант Торвун, — передал он по вокс-связи служащей Милитарум, с трудом сохраняя состояние покоя, которое он практиковал уже три столетия. — Ваши авгуры обнаружили «Химеру» этого существа?

— *Нет, господин.*

Харокс взревел, раздражённый трусостью нексоса.

Когти генокрада пробили нагрудник. Клинок космодесантника взметнулся вверх, отсекая уродливые предплечья. Следующий нисходящий удар выпотрошил ксеноса, после чего на Харокса прыгнуло второе чудовище. Цепные зубья прогрызли пятнистую плоть и сердоликовый хитин.

Их сородичи сомкнули ряды, шипя проклятия на ломаном готике.

— Отступаем, — сказал Кадм сдавленным от ярости голосом. Его силовой молот размогзил череп гибрида, оставив органическую кашу шипеть на шипастом бойке. — Всем перевооружиться для следующей атаки.

Харокс рассмеялся сквозь бурлящий гнев.

— Ты предлагаешь бежать? — Пули дождём сыпались и искрили о его багровую броню вместе с затупленными гвоздями и заклёпками. Лазерный разряд пронзил рёбра под нагрудником, выбелив его настрой ещё большим неистовством. — Эти несчастные лишь пушечное мясо, но их смерти заманят нексоса в ловушку.

— Наша миссия — удержать мост, брат, — заговорил Зурен. Его цепной меч сплошь покрывала запёкшаяся кровь. Кадм и Тион сражались неподалёку. — Да и нет никакой гарантии, что нексос поведётся на эту уловку.

Харокс взревел от ярости, отрывая голову от тела гибрида, облачённого в боевой панцирь стального цвета. Он ворвался в толпу ксеносов в потоках чужацкой крови и разорванной плоти. Отрубленные конечности и внутренние органы ксеносов влажно шлёпались на пластбетон. Сердца Харокса выли, добела раскалённые гневом Сангвиния.

Крики ксеноса лишь усилили буйствующую в его черепе агонию.

— Зурен ещё мягко выразился, — выплюнул Кадм. — Сейчас мы расплачиваемся за твои действия, сержант. И твоё своеволие приведёт лишь к большему бесчестью!

— Ещё один упрёк, и я убью тебя, брат, — зло прорычал Харокс, обезглавливая пурпурнолицую тварь, вооружённую хлыстом из мускульных жил. — Нужно научить грязнокровных новобранцев быть Расчленителями, а уничтожение этой поганой твари, организующей нападения, искупит все предыдущие грехи.

— Превосходное обучение, брат-сержант, — раздражённо ответил Тион. Его болтер изрыгал смерть с каждой золотой вспышкой. — Двое едва выжили, а один больше никогда не сможет сражаться. Интересно, почему ты ещё не Первый капитан?

Бешенство размыло его взор чёрными мазками. Глаза затуманились яростью, оптика шлема приобрела насыщенный бордовый оттенок из-за вите. Харокс разрубил ещё одного ксеноса на части, оскалив ангельские клыки. Часть его жаждала погрузиться в адреналиновый прилив убийств, избавиться от пут и отдаться внутреннему монстру — делать то, для чего он был рождён. Убивать.

— Заткнись, мальчик. — Слова вырывались из его глотки хриплым рычанием изголодавшегося хищника. — Лишь происхождение и генетический шаблон позволили тебе подняться до Первой роты, так что не думай, что ношение белого черепа даёт тебе право меня судить.

Молодой Расчленитель умолк.

— Такие слова могли родиться только в чёрной душе, — огрызнулся Кадм. Харокс прорывался сквозь толпу неофитов культа в заляпанных маслом комбинезонах. Их кровь забрызгала лицевую пластину шлема, её испорченный привкус солёного железа немного утолил жажду космодесантника. — Но и они не меняют того, что наш брат прав.

— Ты смеешь...

— Примарисы ведут себя так заносчиво, будто они Кровавые Ангелы, — прорычал Зурен, прервав брата.

Он один разделял мнение Харокса о Тионе. Зурен с Хароксом остались единственными выжившими из старого состава Первой роты в их отряде, и потому он поддержал брата.

— Спасители нашей крови, — презрительно выплюнул Зурен. — Меня воротит от их напыщенного высокомерия.

— А Дума просто воплощение всего их высокомерия, — заговорил Гатас. — Этот рождённый в пустоте пёс хочет, чтобы мы зарабатывали славу для ему подобных.

Дума.

Гнев ещё сильнее вскипел в венах при упоминании имени капеллана-примарис. Харокс осудил Думу за его методы обучения новобранцев, после чего сам был осуждён и переведён из авангарда выполнять чёрную работу. Затем капеллан во второй раз посыпал Хароксу соль на рану, послав его отряд защищать мост, а на передовую отправив космодесантников-примарис.

Расчлениватель исчез в стае щебечущих гибридов. Когти царапнули его шлем и пластрон, разрезая керамит вместе с плотью. С обрезанной бронепластины закапала кровь. Харокс сражался без какого бы то ни было мастерства или изящества — он просто разрубал тварей на части, вырывал позвончики и перерезал глотки. Глаза застыли красные и чёрные пятна.

Он стал ангелом гнева и разрушения.

Когти внезапно пробили ему бок, из золотых доспехов засочилась кровь. Он зарычал, расчлняя существо, у которого хватило глупости ударить. Взбесившиеся предатели атаковали вновь. Нечестивая вера и имплантаты нейрораба лишали их нерешительности и страха. Космодесантник протащил меч сквозь толпу тел, сверкающими усиками разрушительной энергии обжигая разорванную плоть. Ярость опалила ему вены, лишив благодати и сочувствия и подпитывая гневом каждый удар.

Его воины в багровом и чёрном сражались рядом. Их окровавленные клинки прореживали фалангу облачённых в мантии магов Механикума и боевых сервиторов, вокс-передатчики издавали резкие всплески кодов. Болтеры модели «Ангелус» кромсали зверолодей и рабов-мутантов потоками осколочных болт-снарядов.

— За Императора! — взревел он, разбивая кулаком нагрудник мутанта-астартес. Из пробитой груди хлынула чёрная кровь и вывалились изменённые органы. — За Империум!

Его внимание привлекло рявканье болтеров в дальнем конце армориума. Астартес в доспехах разбили растрёпанную бригаду рабочих и Армию Предателей, красный цвет их доспехов потемнел от копоти и засохшей крови. Сердце космодесантника словно воспарило, когда он заметил, что Кровавые Ангелы не склонились перед ужасами *«Мстительного духа»*.

В тот же миг его атаковал другой космодесантник в керамите цвета морской волны Шестнадцатого, покрытый желчью и застарелой кровью. Воин блокировал потрескивающую поверхность вражеского громового молота, свободной рукой пробив брюшную пластину хаосопоклонника. Еретик попытался нанести ответный удар, бормоча клятву Хорусу стремительно заполняющимся кровью ртом. Но слабая контратака ни к чему не привела.

Он разрубил легионера надвое.

— Харокс!

Голова космодесантника резко повернулась.

К нему направился сангвинарный гвардеец. Его доспех обрёл цвет запёкшейся крови и пепла — и это была краска, а не следы копти и крови. От золота не осталось и следа, изящество брони было испорчено зарубками и кратерами от взрывов. Из оборванных кабелей каскадом сыпались искры, а на белый герметик сочилась смазка. Ангельские крылья не несли к нему рубиновую слезу легиона; воин привёл в действие цепную дорожку меча.

— Харокс, — снова повторил голос.

Тёмный уголок его сознания узнал имя.

Зурен. Расчленитель.

Не было видно ни геральдики Пятой роты, ни свежесваляного ножа, которым пользовались воины Амита. Космодесантник напрягся; подозрение смешалось с яростью и адреналином, наполняя уставшие конечности свежей энергией. Что-то было не так.

— Харокс, — прорычал Зурен. Гнев и осторожность смешались воедино, придав ощущение спокойствия.

— Враг повержен, нам прислали подкрепление примарисов.

Затем воин повернул голову к Кровавым Ангелам.

Цвета IX легиона исчезли. Их доспехи ничем не отличались от доспеха Зурена, на наплечниках и наколенниках отчётливо был виден символ ордена Расчленителей. Выше и шире в плечах, чем Зурен, новоприбывшие пробирались сквозь тела его павших товарищей, скупно отмечая их смерти. Они были облачены в доспехи незнакомой модели и несли оружие, казавшееся грубее и практичнее, чем любые модели легиона.

Другой сангвинарный гвардеец теперь также шагал в цветах Расчленителей. Пронизанные статикой крики царапали слух. Цепное оружие Космодесанта с каждым взмахом высвобождало красный туман и ошметки плоти, а боевые доспехи прибывших оказались не в лучшем состоянии, чем у Зурена. Гвардейцы смотрели на них с таким же удивлением, с какой ненавистью и презрением отвечали им Расчленители. Он сожалел о вражде, возникшей между его сыновьями.

Не сыновьями. Братьями.

Нити осознания опутали его разум; глаза начали различать опустошённое пламенем здание Администратума и холмы из пластека и гофрированного металла. Аромат масел и благовоний исчез, сменившись на смрад вывалившихся внутренностей и опорожнённых кишок. Два громоздких аберранта лежали у его ног. Рядом горел перевёрнутый «Голиаф».

Никаких тёмных механикумов, рабов-мутантов и космодесантников-предателей.

Он понял — и по спине пробежал холодок, слишком похожий на страх. Это не Осада Терры, не борт «Мстительного духа».

Он не Сангвиний.

Харокс собрал всю свою решимость, вооружив ею разум и душу. Из носа потекла кровь, а голова покраснела от боли, тупой и жгучей. Ему снова пришлось заковать её в кандалы. Зверь до сих пор требовал освобождения, и в его атавистическом рычании уже чувствовалась уверенность. Он вкусил свободы, вкусил крови и славной резни. Теперь зверь знал, что сможет вырваться вновь.

Харокс понимал это.

Расчленитель переключил внимание на мир за пределами костяной арены своего черепа. Визор шлема был усеян информацией о повреждённых и пробитых пластинах брони, а также о герметизации некоторых участков специальной пеной. Боль раскалила нервы добела, клетки Ларрамана работали на пределе, чтобы закупорить кровоточащие раны. Улучшенная физиология его организма наполнила кровоток синтетическими стимуляторами, чтобы поддерживать космодесантника в сознании.

Фармакопея боевого доспеха реагировала на повреждения гораздо медленнее, чем его собственный организм.

Но ни это, ни раны его уже не волновали.

Братья группой стояли рядом, наблюдая за ним с неприкрытым подозрением. Кадм, Зурен и Гатас — их руны пульсировали зелёным, тогда как Тион был отмечен серо-стальным. Через несколько секунд Харокс заметил его труп, разорванный пополам от макушки до таза. Расчленитель помолился Сангвинию, чтобы Тион обрёл покой подле отца. Харокс был в ярости от того, что ему хотелось лишь вылакать богатую кровь космодесантника с пластбетона, прежде чем ксеносы осквернят тело.

— Ты поглощён? — тихо спросил Зурен. Кадм поднял силовой молот, а Гатас нацелил на него болтер. Харокс не винил их. — Поглощён Яростью?

— Нет, но был близок, — ответил Харокс. — Ксеносы пытались сбить меня с толку своим колдовством, но тщетно. Я смог сопротивляться достаточно долго, чтобы изрубить виновную в этом тварь.

Ему было стыдно обманывать братьев. Ложь нанесла больший ущерб его чести, чем мстительность Думы. Его глаза встретились с мерцающей зелёной оптикой Расчленителей; он заставил себя дышать ровнее. Обменявшись приглушёнными вокс-щелчками, космодесантники не опустили оружие. Харокс снял шлем, пристально глядя на братьев.

— Если вы считаете, что я представляю опасность, — убейте.

Зверь возопил, требуя, чтобы он сразил их и всех, кто попадётся на пути. Харокс заставил его подчиниться, сохраняя невозмутимое выражение лица. Малейшее движение любой мимической мышцы могло выдать буйствующую внутри его черепа битву. Он готов был умереть, хотел умереть, если бы смерть сдержала зверя.

В следующий раз.

Как будто почувствовав это, зверь оставил попытки подавить разум хозяина и спрятался обратно в самые глубокие его уголки. Он затаился на краю сознания, подобно хищникам Древней Терры, разрывающимся между голодом и страхом перед человеческим огнём. Он слишком сильно желал свободы, чтобы преждевременно рисковать жизнью. Харокс улыбнулся своей очень человеческой слабости.

Тишина медленно нарастала с каждой секундой, пока не прошла целая минута.

Братья опустили оружие.

Харокс сухо улыбнулся и надел шлем. Хоть зверь сейчас и затих, притаившись в дальнем уголке разума, Расчленитель знал, что в ближайшее время будет поглощён. Он поклялся сделать всё, что мог, потратить все жизненные силы, что у него ещё остались, чтобы оправдать доверие братьев.

В ушах зазвенел усталый голос сержанта Торвун.

— *Господин, мы перестраиваем нашу оборону в соответствии с вашими указаниями,* — гордо отчиталась девушка. — *Я приказала посыльным распределить свежие боеприпасы по всем новым позициям.*

— Хорошо.

На мгновение она сделала паузу: слова буквально дрожали, боясь слететь с кончика её языка.

— *Вы уверены, что ваша тактика выманит нексоса?*

Харокс сдержался от инстинктивного ответа, решив, что Торвун неверно истолкует его как угрозу. Он глубоко вздохнул, подавляя яростное презрение зверя, и с нарочитой осторожностью подобрал слова. Он восхищался её храбростью — Торвун посмела задать вопрос астартес.

— Этим существом движет императив, закодированный в генах. Оно жаждет знаний так же, как вы жаждете еды, вина и тёплых объятий себе подобных. Этой твари незнакомы другие побуждения, и мы представляем для неё непредвиденный фактор, которому ей нечего противопоставить.

— *Но в этот раз она решила дать отпор.*

Харокс улыбнулся зверю внутри. Этот человек действительно храбр.

— Всё так, — признал он, всё ещё злясь из-за трусости существа. — Мы и не рассчитывали, что нексос проявит себя после одного прерванного нападения. Но две неудачи заставят его действовать.

— *Понимаю, господин.*

Харокс наблюдал за заступниками, рыскающими среди тел. Из перерезанных глоток и пронзённых сердец ещё сочилась кровь. Чья-то рука слабо схватилась за клинок, оборвавший жизнь её владельца. Харокс моргнул, не в состоянии понять, что перед ним: керамика цвета морской волны или мутировавшая плоть аберранта. Затем его обеспокоила ещё одна мысль.

— Вы запрашивали подкрепление у моего ордена?

— *Нет, господин,* — сразу же ответила Торвун. — *Ни я, ни мой командный состав.*

Он подавил низкое рычание и оборвал связь.

— Почему они здесь? — спросил Зурен. Он не пытался скрыть гнев в своём голосе.

— Дума, — зло процедил Гатас.

От прибывших отрядов отделился лейтенант в доспехе, свежескрашенном в цвета Расчленителей. Болтер космодесантника-примарис висел на ремне, на поясе в ножнах покоился силовой меч. Зелёная капля крови на его наплечнике указывала на принадлежность к Четвёртой роте. Его боевое снаряжение было пропитано запахом полировальных порошков и мазей. Он снял шлем, открыв перворождённым молодое лицо, переделанное геносеменем Сангвиния. Внешний вид лейтенанта портил лишь одинокий

шрам на щеке.

— Ветеран-сержант Харокс.

Сухая официальность в его голосе рассердила Харокса. Расчленители никогда не ценили формальности, разве что в самых сокровенных ритуалах. Харокс встречал многих среди Крови, которые прикрывались этикетом как щитом, дабы замаскировать свирепость, но этот воин больше походил на одного из сыновей Гиллимана, чем на сына Крови.

— Да.

— Я Тантий из Четвёртой роты. — Он протянул руку в знак приветствия. После минутного колебания Харокс сжал его наруч. — Для меня и моих воинов большая честь служить рядом с ветеранами Первой роты.

— Почему вы здесь?

Тантий ощетинился.

— Капеллан Дума начинает атаку на гнездо выводка, — пылко сказал лейтенант, укрепляя первое впечатление Харокса. Расчленитель нахмурился: влияние Гиллимана слишком заметно в этих бывших Бесчисленных Сынах. — Он поручил мне командование операцией, чтобы гарантировать, что враг не сможет сбежать через мост или уничтожить промышленный потенциал планеты.

Харокс зарычал, непроизвольно сжимая пальцы.

— Дума! — выплюнул Зурен по закрытому каналу отряда. Харокс чувствовал, как его ярость, словно раскалённые угли, прижимается к плоти. При этом оскорблении из клыкастой пасти зверя внутри вырвался апоплексический рёв. — Сначала он поручает нам эту жалкую задачу, а затем провоцирует нож, посылая нам в няньки собственную породу.

У Кадма и Гатаса заявление Зурена вызвало согласное ворчание.

— Эти закулисные игры больше годятся для Ангелов Обагрённых, чем для Расчленителей, — огрызнулся Кадм. — Если это то, во что превратится мой орден... Мне остаётся лишь оплакать наследие Сангвиния и будущее Крови.

— Хватит! — рявкнул Харокс с большей суровостью, чем намеревался, и с решимостью, которой он не чувствовал. Ему хотелось разбить Думе лицо в кровавую кашу. — Нытьё ничего не изменит.

Тантий жестом пригласил перворождённых последовать за ним.

Харокс зашагал рядом с ним, подстраиваясь под темп и походку более крупного Расчленителя. От слабого урчания доспеха типа X «Тактикус» заскрежетали зубы. Облачённый в чёрный, как его ярость, доспех с красными крестами, зверь внутри попытался пробиться сквозь ментальную защиту Харокса. Расчленитель с усилием загнал его обратно в клетку; из носа снова потекла кровь.

Тантий сжимал в руке маленький круглый гололитический проектор. Мост Гален и мануфактории на краю утёса с противоположной стороны высветились лучами лазурного света. В голове Харокса всё крутились слова лейтенанта.

— Похоже, ты озабочен производственными мощностями этого мира, — медленно произнёс он.

Следующие слова застыли на языке Харокса, в них сквозила желчь и мрачная горькая насмешка. — Есть какая-то причина, по которой мы должны опускаться до рассмотрения подобных факторов?

— Техникарум нуждается в сырье для пополнения наших запасов, — пояснил Тантий. — Этот мир в состоянии обеспечить нас всем необходимым с лихвой, пока мануфактории продолжают работу.

Харокс представил, как вырывает руку лейтенанта из плечевого сустава.

Тантий повёл их к следственному изолятору Арбитрес. Двухэтажное здание, по всему периметру защищённое стеной, было увенчано орудиями «Тарантул» и мотками колючей проволоки. Над ним возвышался барбакан, усиленный воротами из пластали. Они уже были изрешечены снарядами пушек и переносными ракетами; состояние башен и облицовки оборонительного сооружения также оставляло желать лучшего.

— Мы Расчленители, — прорычал Харокс. — Мы клинки, выкованные из чистого гнева Ангела, чтобы пронзить сердца его врагов. Растрачивать нашу ярость на сохранение промышленной инфраструктуры, потому что некие военные стратеги считают это приоритетной задачей, означает позорить его наследие.

Тантий усмехнулся. Его реакция взбесила Харокса так, что он едва сдержался.

Расчленители прошли между обломками мотоциклов, зубчатой стеной расставленных за воротами. Тантий жестом разделил заступников на боевые отряды, каждый из которых начал перетаскивать валуны и разбитые мотоциклы в оставшиеся бреши в обороне, сооружая импровизированные баррикады напротив фасада здания.

Харокс держал своих воинов рядом.

— Тебе кажется забавным бесчестить наследие нашего отца? — шёпотом спросил Харокс с нескрываемой угрозой в голосе. Видения безудержного кровопролития окрашивали мысли в тёмно-багровый цвет. Зверь убеждал его подчиниться, обещая смерть Тантия в качестве первой из многих. — Великий Ангел...

— Понял бы нас, зная, что это поможет уничтожить врагов человечества, — закончил его мысль Тантий, открывая дверь объекта. — Великий Разлом изолировал нас от Кретаии и всех миров, поклявшихся снабжать орден сырьём и провизией, необходимыми для продолжения нашей миссии в войнах Императора.

Харокс попытался возразить, но Тантий снова перебил.

— Заниматься обороной моста, когда мы могли бы атаковать, безусловно, неприятно, — согласился Тантий, входя в бункер. Харокс последовал за ним вместе с оставшейся частью его отделения. — Но мы должны ставить конечную цель выше собственных чувств. В конце концов, зачем мы здесь, если не для того, чтобы спасти эту планету? Если бы нашей целью было разрушение, мы бы стёрли этот мир с орбиты. Но тогда мы бы не смогли взять десятину с его правителей. Не получили бы ни новых воинов, ни техники.

Харокс ничего не ответил.

Расчленитель заменил магазины болт-пистолета и цепную дорожку меча. Вокруг него сновали посыльные Милитарум, переноса картриджи, заполненные боеприпасами. Тяжёлое биение их сердец и запах меди во время дыхания инстинктивно наполнили рот слюной. Клыки впелись в губу.

Харокс заставил себя отвести взгляд, отвлекшись на слабый гул плазменных двигателей под ногами. Он глубоко вдохнул, чувствуя горький привкус переработанного воздуха и расплавленного металла на языке. Бессмысленное бормотание теребило слух: повсюду слышались голоса безумных душ и хищных варп-зверей, обрётших материальную форму. Очертания клыков и когтей ласкали души его воинов, обещая славную бойню.

Расчленители дёрнулись и зарычали в ответ, их тяжёлое дыхание пробивалось сквозь лицевые пластины. Они излучали отвращение к сторбленным мяукающим существам. Твари сновали вокруг, хватаясь за разбитые пластины брони своими истощёнными пальцами. Активировав цепной клинок, он направился к призракам. Мономолекулярные зубья с рёвом пришли в движение, рассекая воздух. Он убьёт каждого проклятого еретика и демона на борту «Мстительного духа».

— Нет, — пробормотал он, заставляя себя вернуться в реальность. Посыльные Милитарум, обмочившиеся так, что у каждого на штанах остался овал мшисто-зелёного цвета, уставились на него. Тантий же не выказал никаких эмоций. — Я не стану жертвой проклятия отца.

Эти слова прозвучали бессмысленно, особенно для примариса.

— Убийство нексоса, который организовал эти нападения, сведёт к минимуму угрозу мосту, — сказал Харокс, используя отвлекающий манёвр для своего сознания, чтобы покрепче закрепиться в настоящем. Намерение убить ксеносского стратега помогло ему сосредоточиться. — Это ослабит местные вражеские силы и подорвёт их командную структуру.

Тантий, казалось, обдумал этот вариант.

— Нет, — заключил он через несколько мгновений. — Во имя достижения этой цели уже произошла одна ненужная смерть. Действительно, твоё предложение в духе Кодекса, но данный вариант предусматривает большее количество сил, чем то, которым мы располагаем. Мы укрепимся здесь и при необходимости контратакуем.

Харокс зарычал в ответ на скрытое оскорбление его команды. Ни один сын Кретации никогда не умирал напрасно на службе Императору, однако поднятая рука Тантия оборвала Харокса вновь.

— Цель превыше чувств, брат, — проговорил Тантий, преисполненный невольной снисходительности. — Мы не можем отказаться от долга, только чтобы утолить жажду крови. Однако же если выждать, в конце концов ксеносы изведуют наш гнев, и это сохранит жизни братьев для следующих битв.

Тантий ушёл, не дожидаясь ответа и попутно выкрикивая приказы своим людям.

Разозлившись, Харокс пошёл за ним. Зурен и Кадм вовремя удержали брата.

— Не обращай внимания на его слова, — голос Зурена дрожал от злости. Кадм и Гатас хмыкнули в знак согласия. — Прибереги свой гнев для врага, брат, а мы прибережём свой. Потерпи несколько минут, и мы покажем, на что способны Расчленители.

Тяжело дыша, Харокс немного смягчился. Чёрные когти словно разрезали картинку перед глазами изумрудным огнём, обнажив серые переборки. Братья были правы; не было ничего хорошего в том, чтобы позволить гневу захлестнуть сознание. Харокс заставил себя дышать ровно и повёл своих воинов из здания.

Долго ждать врага не пришлось.

Заступники открыли огонь: болты врезались в шипящий поток когтей, хитина и пятнистой плоти. Гибриды исчезали в облаках кровавого тумана, каждое нажатие на спусковой крючок вознаграждалось горячим приливом серотонина. Но ксенотвари, размахивая автопистолетами и зазубренными лезвиями из тёмного нефрита, продолжали двигаться вперёд — их страх был подавлен волей патриарха.

На Расчленителей обрушился ответный огонь, проникая в наименее защищённые места брони и повреждая доспехи. Пуля пробила и без того уже испорченный в предыдущих сражениях наплечник Харокса и застряла в плече. Он сдержал рычание, игнорируя предупреждающие руны, которые уже начали затуманивать зрение. Подавляющие средства хлынули в организм, боль отступила. Харокс открыл огонь, каждым выстрелом потроша гибридов.

Его грызло раздражение. Нексос так и не появился.

Камнедробители «Голиаф» прогрызали пути для культистов сквозь валуны и трупы. Горноходы «Ахиллес» изматывали Расчленителей тяжёлыми пулемётами и миномётами, один заступник исчез в алом облаке дыма, керамики и крови. Болты Харокса расплющили тело стрелка «Ахиллеса» выше пояса. Из лазорудий барбакана вырвались калейдоскопические лучи концентрированной энергии и уничтожили блоки двигателей в сверкающих вихрях пламени.

Из своего орудия выстрелил вражеский «Леман Русс».

Троих заступников и Гатаса взрывом сбило с ног. Космодесантники-примарис встали в треснувших и обгорелых доспехах и возобновили стрельбу. От наплечника одного из них остался лишь комок висящих кабелей. Болт-пистолет Расчленителя выпустил снаряд, превратив в кашу ещё двух заступников, в тот момент, когда тяжёлые болты прошли баррикады. Но лазерная пушка, успев пробить усиленный гласис танка, в серии взрывов уничтожила боевую машину вместе с запасом снарядов.

Руна Гатаса высветилась серым.

Рёв Харокса отразился в его шлеме. Гнев обжёг вены подобно кипящему маслу. Он перемахнул через баррикаду. Мускусный запах горелой плоти и фицелина притягивал его к врагу. Гибриды обрушились на него стрекочущим штормом когтей и хитина. Он искупается в их крови ещё до наступления ночи. Кадм и Зурен подошли к нему, с безжалостной точностью кромсая гибридов на части.

— *Сержант, удерживайте позицию.*

Харокс расхохотался. Смех был колким, как и рычание его цепного клинка. Он протащил свой меч сквозь толпу заражённых людей. В болезненных вскриках и брызгах тёмной крови Харокс забрал их жизни. Лезвия пробили его броню, разрезали пучки волокон и кабели, потекли ручейки крови. Цепной меч Харокса пробил грудь гибрида и тут же вырвался на свободу, чтобы располовинить другого мутанта. Две части культиста склизко разошлись в разные стороны.

— Мы — гнев, — взревел он, разрубая ещё одного врага. — Мы — ярость!

— *Не выходи из укрытия, брат, не сейчас!*

— Присоединяйся к нам, Тантий, — взмолился Харокс, наотмашь ударив гибрида. Когти вырвали его бедренную пластину, разорвав сервомышцы. — Мы покончим с нападениями! Присоединяйся! Сражайся, как истинный сын Великого Ангела!

Тантий проигнорировал призыв перворождённого.

Харокс отчитал Тантия за трусость, но его слова затерялись в безумном вое Зурена. Ненависть усилила голос Расчленителя, выкрики имён павших братьев слились в гортанный рёв. Зурен пробивался впереди Харокса и Кадма, расчищая путь цепными топорами. Харокс кромсал без остановки, чтобы держать путь открытым, боевая ярость чёрным туманом затмевала его разум, мешая мыслить рационально.

— *Лорд Харокс!* — Радость Торвун закрепила его в настоящем, самоконтроль медленно восстанавливался, Харокс снова стал собой. Зверь взвыл, сбитый с толку. — *Мы обнаружили «Химеру»!*

Глаза Харокса сканировали поле боя, пока он не увидел нексоса.

«Химера» остановилась. Лазер без остановки бил по отвалу машины. Появился стройный гибрид в лазурных одеждах и серо-стальном панцире, сопровождаемый пятью мускулистыми чудовищами. Их тела были искривлены дополнительными конечностями и полицефальными наростами. Тварь коснулась лба павшего гибрида, и из его глаз потянулись нити психической силы.

— Убейте его! — взревел Харокс.

Лазерные лучи прошли корпус «Химеры» насквозь. Её топливный бак разорвался, и взметнувшееся пламя и перегретая шрапнель поглотили двух ксеносов. Выжившие сгрудились вокруг нексоса, прикрывая его своими телами. Харокс сразил чистокровного генокрада и встретился с ним взглядом. Уродливая ухмылка изогнулась вдоль безгубого рта: тварь просто исходила самодовольством.

— Убейте его! — снова закричал он.

— *Он вышел за пределы нашей досягаемости, господин,* — ответила Торвун. — *Как и вашего отряда. Мы сможем достать его, только если продвинемся вперёд...*

— Нет! — взревел Тантий. — Ещё не время! Удерживать позицию!

— Есть, лорд Тантий, — мрачно подтвердила Торвун.

Харокс вскрикнул от досады, пытаясь пробиться к Кадму, который погряз в кровавом бою с когтистой тварью, больше генокрадом, чем человеком. Зурен рванул вперёд, набросившись на крупных телохранителей нексоса. Харокс потерял его из виду, разрубая от ключицы до таза теснящего Кадма аколита. Сражающиеся рядом фанатики возмущённо завопили: послушники среди них почитались как социальная элита и аватары их мерзкого божества. Расчленитель обезглавил второго шипящего фанатика, мгновенно наклонив клинок, чтобы заблокировать яростный удар третьего.

Жизнь Зурена оборвалась вялым хрипом.

Цепной меч Харокса рассёк пространство вокруг, очертив круг из алых брызг и трупов. Кадм дрался у него за спиной, его силовой молот размалывал покрытые венами черепа и мышцы ксеноса. Они сражались подобно мифическим воинам — каждый служил другому щитом и опорой. Харокс обезглавил культиста в изукрашенных драгоценностями одеждах Министорум, заметив свернувшегося змея в глазах аквилы, вытатуированной на его лбу, подобно самоцвету.

— Харокс. — Кадм охрип от ярости. — Существо... Оно не сбежало?

Харокс заметил, как ухмыляющийся предатель движется к следующему трупу. Доспех еретика мерцал красным светом, из нейронного разъёма в его ноздре тянулся провод, а в глазах горело безумие. Императорский дворец пылал под огнём титанов и Его предательских сыновей.

— Он здесь, — прорычал Харокс, прогоняя воспоминания Сангвиния. Им могла овладеть Ярость. Он желал настичь нексоса. — Убьём его вместе.

Расчленители набросились на телохранителей ксеноса, прижав подбородки к груди. Разлетались черепа, ломались кости, изрубленные послушники и низшие гибриды разлетались в стороны. Два выживших абоминанта двинулись навстречу космодесантникам, проталкиваясь между сородичами. Их губы обрамляла свежая горячая кровь. Цепной топор Зурена оставил глубокие борозды на груди одного из ксеносов, обнажив влажные мышцы. Тварь двигалась с явным трудом, волоча громоздкий молот в трёх мускулистых руках. Похожая на наковальню кувалда уже стала скользкой от крови Зурена.

Харокс поприветствовал абоминанта яростным ударом головой, а затем врезал ему в лицо, разорвав щёку, в то время как Кадм бросился на второго. Он молниеносно атаковал ксеноса по горлу и рукам, визор забрызгался чужацкой кровью. Однако абоминант сумел заблокировать молотом следующий удар. После схватки с Зуреном ксенос уже не мог двигаться столь же быстро. Цепные зубья скользнули по рукояти молота, несколько из них вылетели с дорожки. Грубая сила помогла абоминанту перейти из защиты в атаку, заставив Харокса пригнуться, чтобы в него не попал мощный боёк молота, нацеленный прямо в голову. Он увернулся от двух верхних ударов и смог отразить третий. Харокс рубил и резал эту тварь как только мог, избегая попаданий, которые прогнули бы корпус «Лэндрейдера», в ожидании, когда ксенос допустит ошибку. В конце концов абоминант допустил её, после чего Харокс ногой раздробил его колено, и зубья цепного меча разорвали ксеносу шею.

Сдавленный рык заставил его повернуться к Кадму.

Расчленитель стоял на коленях, по изломанному во многих местах доспеху текла кровь. Чудовище оторвало ему правую руку и вспорол когтями туловище от горла до паха. Одной шестипалой рукой монстр держал голову Кадма, подняв другую для удара.

— Убей его, брат, — булькнул Кадм напоследок. — Во имя Ангела.

Сигнум-руна Кадма замерцала серым.

Харокс взвыл и бросился на ксеноса. Тот сразу же замахнулся скользкими от крови когтями на его голову. Расчленитель избежал первого удара, парировав ещё два. Харокс начал рубить по ногам и нижней части живота, пытаясь увернуться от грубых когтей, рассекающих мышцы и вываливающих петли кишечника на пластбетон.

Эта тварь умрёт в агонии, а после неё — её хозяин.

Абоминант рухнул на колени, от его ног остались лишь кости с остатками изрубленной плоти. Ксенос уже не был в состоянии удержать на ногах собственную массу и упал. Расчленитель ухмыльнулся, ярость усиливала его уверенность в победе. Харокс кружился вокруг его громоздкой туши, подобно танцующему дервишу, истекая кровью и издавая болезненные стоны каждый раз, когда рубил ксеноса по рукам и туловищу. Абоминант уже не мог сражаться на прежнем уровне, его физическая сила была подавлена скоростью космодесантника, все мысли были направлены на защиту и выживание. Харокс замедлил шаг, желая насладиться убийством.

Когти твари молниеносно впились в его грудь, среагировав на оплошность Расчленителя.

Харокс взвыл.

Простонав от боли, абоминант погрузил когти глубже, пронзив основное сердце астаргес. Харокс снова

взревел. Боль, словно раскалённый добела нож, вонзилась ему в грудь и медленно провернулась. Вторичное сердце учащённо билось о рёбра, компенсируя повреждённое сердце-близнеца.

Кровь заполнила его рот.

Харокс сомкнул пальцы на горле ксеноса, сжимая их до тех пор, пока не раздавил трахею. Затем он вонзил ксеносу цепной меч в мускулистую грудь, и скрежещущие зубья разорвали в клочья грохочущее сердце. Собрав всю свою ярость, он с трудом поднялся на ноги, наслаждаясь страданием в глазах предателя, которые уже превратились в лужицы чёрной жидкости. Расчленитель вонзил клинок в грудь ксеноса, а затем отрубил ему голову.

О повреждённый нагрудник звякнули пули.

Харокс набросился на нексоса и швырнул его о землю. Хрустнули рёбра, чужацкие мышцы не выдержали давления и разорвались. Пальцы Расчленителя сжались на горле существа, шипение ксеноса переросло в прерывистые вздохи. Нексос отчаянно полоснул изогнутым кинжалом по шее космодесантника, и на щеку гибрида закапала кровь. Ксенос попытался выстрелить из автопистолета, но магазин оказался разряжен. Харокс наконец задушил эту тварь, между его оскаленными клыками засочилась кровь. Жизнь нексоса ускользнула прочь вместе с его последним хриплым вздохом.

Хватая ртом воздух, космодесантник, покрытый кровью, отбросил труп в сторону. Раздался глухой гул багровых доспехов, он неуверенно поднялся на ноги. Со многих палуб доносилась болтерная стрельба, громкие команды и приказы растворялись в пьянящем приливе крови, ревущей в венах. Он вдохнул приторный мускусный запах серы и гнилого мяса. В воздухе висел смрад, порочный фимиам, разжигающий ярость до ещё больших высот.

Влажные чёрные глаза упивались адской Аллеей Славы и Скорби «*Мстительного духа*». Позолоченные имена Лунных Волков, павших во время Великого крестового похода, были выжжены почти до неузнаваемости чёрными языками кислотных ожогов. Из-за двойных дверей стратегиума сверкнули прищуренные глаза магистра войны, словно приглашая его войти. С каждым шагом слышался хруст устилавших палубу черепов людей и ксеносов. От нечестивых рун, выжженных у них на лбу, всё внутри переворачивалось.

Ангел толкнул двери и вошёл внутрь.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Лишённый_чести / _Disgraced_\(рассказ\)&oldid=27346](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Лишённый_чести / _Disgraced_(рассказ)&oldid=27346)

Эта страница в последний раз была отредактирована 14 января 2025 в 23:57.